

УДК 330.101

Х. Х. Валиуллин

**Экономическая бездна глазами астрофизика
(памяти А. Чечельницкого)**

Аннотация:

Известный ученый из Дубны А.М. Чечельницкий (1935-2011) оставил после себя не только работы по профильной для него астрофизике (в т.ч. концепцию Мега-Квантовой Вселенной), но и работы из области других наук - истории, экономике, медицине и т.д. В настоящей статье содержится ряд комментариев дискурсивного характера к отдельным главам книги «Разум, Деньги, Власть (Несвоевременный системный анализ)», в которой собраны работы Чечельницкого по актуальным для экономики России вопросам в период с 1990-го по 2006-й годы.

Ключевые слова: человек, свобода, переходная экономика, системный анализ, рынок

Об авторе: Валиуллин Хасан Хафизович, доктор экономических наук, государственный университет «Дубна», профессор кафедры экономики; моб. тел. +7 (903) 150-63-65; эл. почт: hasan_val@mail.ru.

По-видимому, всё ещё (вместо предисловия)

*По-видимому, всё ещё не пришло время зрелости общества
и не наступила пора серьёзных аналитических исследований
А.М. Чечельницкий, «Коллапс социума...», (1991)*

Похоже на то, что спустя четверть века предположение автора приведенного эпиграфа по-прежнему остается в силе. Не появились достаточно глубокие аналитические работы, объективно и полно раскрывающие то, что в действительности произошло с отечественной экономикой за те три четверти века, которые предшествовали 1991 году, - году «коллапса», казавшегося неизбежным социалистического строя, представлявшего вечным советскому социуму, году «геополитической катастрофы»¹. Как не появились еще обладающие достаточной добротностью работы, раскрывающие природу произошедшего за последующие 25 лет, за постсоветскую четверть века (которую, может быть, следует без рефлексий когнитивного плана признать затянувшейся комой некогда мощного экономического организма страны Советов, попытки выйти из которой сейчас и предпринимаются определёнными научными кругами?).

Нет оснований оспаривать или вообще отрицать и другое предположение, что для проведения всестороннего ретроспективного анализа вековых интервалов социально-экономического развития стран требуются первоклассные умы калибра К. Маркса, С. Хантингтона, Э. Тоффлера и т.п. В истории экономической мысли в России были свои

¹ Можно, в частности выделить работы Е.Т. Гайдара «Гибель Империи» [2] и проф. В.Н. Лившица «Системный анализ...» [5].

корифеи мирового масштаба – М. Ломоносов, Д. Менделеев, Н. Кондратьев. Даже отечественная элита мировой литературы, - С. Пушкин, Л. Толстой и Ф. Достоевский, – оставила потомкам интересные изложения сути хозяйственных реалий своего времени.

Но всё это осталось в истории, в прошлом. Что же теперь? Кто сможет стать летописцем столь турбулентной постсоветской экономики, стать её неангажированным, беспристрастным и, вдобавок, грамотным толкователем? Или исчезли-таки и (или) эмигрировали нужные таланты, потеряв надежду быть услышанными и понятыми у себя дома? Или, может быть, всё обстоит в действительности намного проще и печальнее – всякая производственно-хозяйственная и финансово-коммерческая деятельность, осуществляемая на российской территории, перестала быть объектом строгого экономического анализа, трансформировавшись (в силу якобы «особенной стати» данной территории и заселившего его народа) в непознаваемый объект, движимый и постигаемый только верой?

Или, может быть, для поствизантийского пространства, совпадающего на карте с большей частью современной территории России, достаточно действия в нём только естественных законов физики, а действие других законов – подождёт и (при необходимости) приложится позднее? Или, может быть, в пространстве этом в качестве *causa prima* активности людей выступает не экономический, материальный (физический), земной (заземлённый) интерес, а совсем иной - идейный, астрально-ментальный, вселенский? Не аристотелевский мир вещей с неотрывными от них идеями, а платоновский, допускающий подобный отрыв². Ведь ввели же Аристотель на пару с Птолемеем человечество в заблуждение на полтора тысячелетия своею геоцентрической моделью мироздания в противовес более сложной для восприятия и уверования в неё гелиоцентрической гипотезе Аристарха Самосского. Авось просуществует ещё Россия многие-многие лета вне поля строгого действия законов какой бы то ни было экономики, даже если и столь восхваленной, как рыночная? А равно и без авторитетных специалистов в экономической области?

Действительно ли «не наступила пора серьёзных аналитических исследований» в области экономики или просто сама экономика не достигла ещё своего что ни на есть настоящего (всамделишного) и окончательного (абсолютного) дна, «днее» которого не бывает? Или дно это просто не просматривается в бездне кризисных экономических реалий? Бездне, заполненной мириадами экономических субъектов и объектов, отклоняющихся от прямолинейной своей траектории вблизи (или обреченно вращающихся вокруг) огромных денежных масс, сверхконцентрация которых способна превратить их в финансовые «чёрные дыры», поглощающие на своём пути всё и вся, что осмеливается приблизиться к ним на непростительно опасное расстояние? Бездне, в которую как в бездонную метафизическую или феноменологическую пропасть устремляют свой взгляд те, кто возжелал быть посвященным в тайные замыслы и скрытые механизмы развития хозяйственной сферы человеческого бытия.

В числе устремивших в сию бездну взор свой был и замечательный астрофизик Альберт Михайлович Чечельницкий (1935-2011), оставивший нам свои труды с результатами собственного осмысления многого из увиденного им в этой бездне. Космолог, действительный член Международного комитета по космическим исследованиям (Committee on Space Research, COSPAR), автор оригинальной, но не разделяемой многими учёными концепции (Mega) Волновой Вселенной (Wave Universe Concept, WUC).

² Можно также полагать, что окружающий мир может быть назван платоновским и в честь А. Платонова, автора романа «Чевенгур», одного из героев которого успокаивает мысль, что «пространство тоже возможно нагреть и отпустить длиннее, как полосовое железо», в силу чего мир можно растянуть до состояния, «когда все дороги до тупика дойдут» [8, с. 33].

Методологическая прелюдия

Судить о правильности научных гипотез Чечельницкого как в области астрофизики (вплоть до смелого утверждения о существовании сверхсветовых скоростей), так и в области других точных наук – такая миссия выходит за рамки компетенции автора настоящих строк. Всё в этом мире склонно к переменам, всё меняется вне зависимости от того, можем ли мы это каким-либо образом фиксировать или нет. В силу этого обстоятельства все те, кто не соглашается с доминирующим на данный момент представлением об окружающем нас мире и законах мироздания, с представлением, канонизируемым («академизируемым») в комфортном русле очередного научного мейнстрима, в действительности имеют больше шансов оказаться в итоге правыми. Правыми, но не сейчас, а в будущем, горизонт которого может быть достаточно отдалён от настоящего времени (особенно для тех, кто мечтает, как Ницше, заблестать лет эдак через триста). Вдобавок к этому они, конечно, осознают (или, по крайней мере, должны осознавать), что рискуют нести определённые социальные и материальные издержки за своё несогласие с «генеральной линией» академии, издержки, которые не имеют традиции быть компенсированными в течение их земной жизни.³

Также в силу наличия ряда объективных причин представляется задачей нелёгкой давать оценку и экономическим взглядам А. Чечельницкого.

Во-первых, эти взгляды опираются на персональные профессиональные знания и опыт, понимание поведения сложных материальных систем различного масштаба, умение это поведение описывать в форме математической модели, умение работать с огромным объёмом информации (иногда весьма противоречивой и слабо верифицируемой) из различных областей знаний, в целевом порядке фильтруя её и систематизируя.

Во-вторых, со времени письменного изложения им большинства его экономических взглядов прошла добрая четверть века, за которую принципиально изменились не только (а возможно и не столько) экономические, сколько политические и институциональные устои страны.

В-третьих, *a posteriori* представляется, что богатый аналитический инструментарий и сам «парадигматический» физики и, в частности, астрофизики (а равно и других близких к ним наук) могут быть полезными для изучения как наблюдаемых воочию, так и скрытых для невооруженного глаза экономических процессов и объектов, а тем более – субъектов. Действительно, активное присутствие последних в роли пресловутых *homo oeconomicus*, - не всегда рациональных и последовательных в своём суждении и поведении, по необходимости или по случаю играющих, по надобности или же праздности своей рефлексирующих, - делает банальное и некритичное заимствование дескриптивных и иных технологий «точных» наук малоэффективным или даже противопоказанным для всех остальных наук, благосклонно ли, или снисходительно идентифицируемых как «гуманитарные».

В силу всего вышеизложенного постараемся далее в рамках этой статьи придерживаться формата свободного дискурса.

Среди специалистов лучше всех дать заслуживающий доверия диагноз состоянию реальной экономики посылно, вероятно, не учёным (в т.ч. профильным из них, т.е. экономистам), а реальным производителям и конечным потребителям имеющей

³ Однозначно сказать, насколько теоретический задел, отшлифованный и аккумулированный в рамках физических наук как одних из старейших и нагляднейших, может быть успешно применён для решения задач таких более молодых, но не менее популярных в наши дни наук, как экономическая теория, макроэкономика или далеко не однозначный в своей аксиоматической подоплёке Economics. Тот уровень повального интереса, который этот «экономикс» (в том числе в классической трактовке Пола Самуэльсона) получил в начальной стадии перехода нашей экономики с директивно-плановых на свободно-рыночные рельсы в последние годы существования СССР, доказывает, что люди осознавали, что благополучие их материального существования в качестве как индивидуального, так и коллективного (*body corporate*) субъекта не в меньшей степени, чем от универсальных законов физики, зависело от действия законов новой экономики.

практическую ценность продукции (товаров, работ, услуг). После них близкое по объективности и по сути толковое и доходчивое слово здесь могут сказать аудиторы и фискалы, а, в крайнем случае, полезно услышать вердикт следователей по делам, связанным с преступлениями в сфере экономики. Но самое ужасное – это дать слово психологам или (ради экономии времени) сразу обратиться к медиумам, якобы видящим всё то, что невидимо всеми другими, не обладающими экстрасенсорными способностями людьми. Ведь недаром Адам Смит заговорил в своё время о «невидимой руке», манипулирующей эгоистическими действиями отдельных работников во благо всего общества: «Он [работник] преследует собственную выгоду, причём в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения» [9, т. I, с. 32].⁴

Своевременная несвоевременность

Основные экономические работы Чечельницкого за относительно длительный период (1990-2006гг.) собраны в большой сборник под объединяющим их названием «Разум, Деньги, Власть (Несвоевременный системный анализ)» [12]. Это позволяет нам отследить как ход экономического развития нашей страны, так и эволюцию взглядов самого автора на природу исследуемых и комментируемых им событий. Как он сам отмечает: «это сборник исследований, содержащих анализ, системные выводы, конструктивные рекомендации — последовательность работ, расположенных в естественном хронологическом порядке (так сказать, «в порядке поступления»)» [12, с. 5], которые включены «...без изменений и последующей коррекции и, следует надеяться, сохраняют живое дыхание эпохи» [12, с. 162].

Чтобы лучше понять ту макроэкономическую ситуацию, в которой находилась страна на момент написания Чечельницким большинства его экономических работ, следует вернуться в 1992-й год, в год либерализации («отпуска») цен и «шоковой терапии». Тогда биржевая цена нефти марки Brent составляла \$15 за один баррель, валовой внутренний продукт (ВВП) страны оценивался в \$1трлн (по ППС, паритету покупательной способности), объём её золотовалютных резервов (ЗВР) был ничтожным как никогда (\$60млн), ставка рефинансирования ЦБ РФ - трёхзначной (100%), а инфляция – четырёхзначной (около 2500% годовых). Спустя 25 лет (2017г.) цена барреля нефти находится на уровне \$50-55, ВВП по паритету приближается к \$4трлн, ЗВР – к \$400млрд, ключевая ставка ЦБ РФ и инфляция – ниже двухзначных чисел. Доллар США в начале 1992 года стоил 55 копеек против нынешних 55-ти рублей, а цена золота на Лондонской бирже металлов составляла около \$350 за одну тройскую унцию против нынешних \$1300. Численность населения РФ уменьшилась с 147,7 млн. до 144,1 млн. человек (без крымчан и крымчанок).⁵

Что спасёт Социум?

*Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне - дна....*
М.В. Ломоносов, 1743 г.

...если звёзды зажигают - значит - это кому-нибудь нужно
В.В. Маяковский, 1914 г.

⁴ В оригинале на английском: "...he intends only his own gain, and he is in this, as in many other cases, led by an invisible hand to promote an end which was no part of his intention." (Book IV, Chapter II, paragraph IX).

⁵ Интересно, что сегодня, как в 1990 году, мы вновь наблюдаем то, что «... наша жизнь разворачивается на фоне рекордного за последние годы урожая...» [12, с. 48], - действительно, в 2016 году урожай зерновых достиг рекордных за постсоветский период 119 млн.т.

В эссе «Коллапс социума или стратегия разума» (1991), с которого начинается сборник Чечельницкого, автор не без иронии отмечает, что *«Экономика становится доминирующей темой специалистов разговорного жанра. Безжалостно потеснены проблемы духовности, рок-музыки, футбола. Экономисты становятся телезвездами»* [12, с. 8]. Действительно, на российских экранах и в публичных дискуссиях среди реформаторов начала 90-х звучат имена таких признанных в мире научных авторитетов и апологетов рыночной экономики как М. Фридман, Дж. Сорос, Дж. Сакс и др., а в когорте отечественных идеологов реформ 90-х можно выделить от академиков Л. Абалкина и А. Аганбегяна до младореформаторов Е. Гайдара, В. Найшуля⁶, А. Чубайса и др. Сегодня на небосводе зажглось новое поколение звёзд: из зарубежных это, соответственно, П. Кругман, Н. Талейб, Н. Рубини и др., а из российских - от академиков С. Глазьева и А. Некипелова до телеаналитиков М. Леонтьева, М. Хазина, С. Демуря и др. Эти звёзды никто не зажигает, они сами «зажигают» в эфирное время.

Возлагая надежды на спасительный потенциал рыночной экономики, противопоставляемой её директивной (плановой) модели, Чечельницкий отмечает, в частности, такие сильные её свойства, как адаптивность, свободное ценообразование и наличие конкуренции.

Адаптивная экономика. Говоря о свойстве адаптивности применительно к экономической системе он отмечает необходимость установления для всех её участников общих «правил игры» и принятия однозначно толкуемых норм законодательства. В качестве одной из важнейших свойств системы рассматривается её способность подстраиваться к меняющейся среде: *«В русле спокойного ко-вариантного (политическим страстям) анализа термин — рынок — представляется эвфемизмом, чрезвычайно расширительно и далеко не адекватно заменяющим на самом деле очень сложный механизм функционирования экономики и работу ценового механизма, многообразия сопутствующих экономических и социальных процессов. В конечном итоге, он расширительно обозначает то, что в системном смысле следует отнести к понятию (свободно самонастраивающейся) адаптивной экономики»* [12, с. 17].

Возможна ли адаптивность экономических систем в плановой экономике или она имманентна только рыночной экономике (в особенности, либерального толка)? И что собой должна представлять адаптивная система? Должна ли она для этого быть системой сложной, самонастраивающейся (саморегулирующейся) [4]⁷, многоуровневой и иерархической (*hierarchical multilevel*) [6], целеустремленной (*purposeful*) [1]? В плановой советской экономике при всей её директивности долгосрочные управленческие программы типа пятилетних планов также обладали свойством адаптивности, подверженности напрашивающимся корректировкам, но это было скорее эпизодическим явлением, а не систематическим.

Определяя рынок как место для осуществления добровольных сделок экономически свободных людей, Чечельницкий отмечает, что он *«может рассматриваться и как некий коммутатор — переключатель потоков ресурсов капитала, труда»*. При этом он замечает, что рынок *«может рассматриваться лишь как компонент (очень важный!) самоорганизующейся адаптивной экономики»*, он ограничен в своей экономической миссии

⁶ Идеальный вдохновитель программы введения в России приватизационных чеков (ваучеров). Об истинной цели программы приватизации полезно ознакомиться с откровенным интервью А. Чубайса (см., например, [5, с. 8-9]).

⁷ *«Нет сомнений, что социум, особенно современный, обладает многими атрибутами самонастраивающегося эволюционирующего организма»* [4, с. 122].

и его роль «... не сводится только к переключению потоков ресурсов» аналогично тому, как программа телефонизации не сводится только к установке коммутатора [12, с. 17].

«Быть или не быть адаптивной (свободной, самонастраивающейся) экономике?». И таким образом, она может звучать по-гамлетовски категорично: «Быть или не быть (свободному обществу свободных и, возможно, счастливых людей)? Вновь возвращаясь к институту свободы...» [12, с. 19]. Здесь слово «возможно» есть более чем просто вводное слово, - оно несёт в себе определённый заряд авторского сомнения относительно того, что свобода человека эквивалентна счастью его, что наличие первого гарантирует ему желательный приход второго.

Не слишком ли категоричен Чечельницкий, утверждая, что только рынок позволяет дать объективную оценку экономической эффективности: «Здесь (и, пожалуй, только здесь) происходит экспериментальная оценка эффективности экономической деятельности?» Позволяет ли нерыночная модель экономики (например, план) оценивать эффективность происходящих в них процессов? Ответы на эти вопросы принципиально зависят от того, что взять в качестве критерия эффективности и какие именно интересы должны удовлетворяться в наибольшей степени. Да и сами эти интересы можно различать по их масштабности и субъектности (индивидуальные, групповые, клановые, коалиционные, корпоративные, общественные, глобальные...), по природе своей (социальные, экономические, геополитические), своей непротиворечивости (совпадающие, нейтральные, антагонистические) и продолжительности (краткосрочные, долгосрочные) и т.д.

В конечном счете, Чечельницкий приходит к единственному для него приемлемому ответу на свой «гамлетовский» вопрос - «Быть или нет адаптивной экономике?». Он приходит к ответу, согласующемуся «... хотя бы с элементарным инстинктом самосохранения». И ответ этот - «Быть!». «Быть», поскольку любая другая «альтернатива ведёт к катастрофе, экономическому и политическому коллапсу общества» и любая «задержка со временем изменяет лишь глубину пропасти, в которую может свалиться общество» [12, с. 19].

Ценовой механизм. Наличие надёжной системы ценообразования (*ценовой механизм*) рассматривается Чечельницким как необходимое условие для оценки «эффективности экономической деятельности (деньги)», где скобки для денег служат, по всей видимости, как бы открытой подсказкой, что данная система должна выступать ключевой подсистемой для эффективного функционирования всей «финансово — кредитной системы».

Ценовой механизм встраивается в «механизмы диверсификации ресурсов (капитала, труда)», в «биржи капитала, труда, земли (ресурсов)» [12, с. 15]. Таким образом, биржи, публично обеспечивающие паритетный принцип ценообразования, базирующийся на регулярном встречном сопоставлении суммарных, консолидированных объёмов спроса и предложения идентичных между собой (по определённым признакам) рыночных активов (ресурсов), физически или символически присутствующих на биржевых площадках с целью установления равновесной цены. Однако говорить здесь о справедливости получаемых таким образом цен представляется откровенно субъективным, поскольку это вопрос персонального умозаключения.

Для достижения условий, благоприятных для функционирования ценового механизма рынка, необходимо, по мнению Чечельницкого, одновременное присутствие на нём «большого количества независимых субъектов — предприятий, объединений, ассоциаций, индивидуалов» [12, с. 15], что в экономической теории означает приближение рынка к состоянию т.н. совершенной конкуренции (*perfect competition*). Совершенная конкуренция - это по сути своей гипотетическое состояние рынка, предполагающее, что малейшее изменение уровня спроса и (или) предложения на нём неизменно влечёт за собой смещение точки равновесия между спросом и предложением, а затем и ценовую коррекцию этого динамического равновесия.

В вопросе относительно того, какая сила способна спасти социум (мир), Чечельницкий как бы заочно полемизирует с Достоевским, утверждавшим, что такой силой выступает красота. Что же касается разума, то русский классик оставляет ему незавидную участь, утверждая в своих «Дневниках писателя 1873 года» следующее: *«Разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную гармонию, в которой бы можно было ужиться человеку»* [3, т. 12, с. 11].⁸

Свобода. Отдельное внимание Чечельницкий уделяет традиционным для либеральной рыночной экономики атрибутам, в числе которых такие, как *«свобода (независимость) экономической деятельности, свобода экономических контактов, добровольность и взаимная выгода контактов»*, а также *«свободный доступ к ресурсам»* [12, с. 15]. Несколько ранее он уже отмечал, что *«слишком поздно люди обнаруживают, что свобода имеет также свою (и очень высокую!) экономическую цену»* [12, с. 10].

Насколько значим институт свободы для экономики, насколько важны либеральные ценности для экономических субъектов - это зависит, безусловно, от того, что понимается под свободой. В самом общем контексте под ней можно понимать википедиевскую трактовку: *«возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества»*. Что же касается непосредственно экономической свободы, то всемирно известный сторонник либеральной экономики и свободного рынка Ф. фон Хайек даёт ей следующее определение: *«Экономическая свобода — это свобода любой деятельности, включающая право выбора и сопряжённые с этим риск и ответственность»* [11, с. 113].

Как мы видим, австрийский экономист обременяет свободную деятельность определёнными рисками, ассоциирующимися на практике потенциальными издержками как денег, так и времени. Денег и времени стоит не только обретение свободы экономической, но и свободы социально-общественной. Уже упомянутый нами Достоевский описывает (не первый из классиков) связь между свободой и деньгами, но с другой и не менее важной стороны: *«Деньги, - пишет он в «Записках из мёртвого дома», - это чеканенная свобода»*, отмечая также наличие неэкономического эффекта (психологическое ощущение свободы) от наличия у заключённых собственных «карманных» денег [3, т. 3, с. 119].⁹

Одна из цитаделей классического западного либертарианства - Институт Катона (Cato Institute), типичный американский «мозговой бункер» (*think tank*) - среди атрибутов экономической свободы рассматривает ограниченное вмешательство государства в экономику, рыночные основы экономики, свободную торговлю и расширение свободы личности. Другой не менее известный мозговой центр США – Гуверовский институт (*Hoover Institution for War, Revolution and Peace*), миссия которого включает в себя движение к миру, к индивидуальной, личной свободе (*personal freedom*), более акцентировано пропагандирует персонализированный вариант свободы. Видимо недаром именно в этот институт, расположенный на территории Стэнфордского университета в Калифорнии, перебрался из Чикагской школы бизнеса патриарх монетаризма Милтон Фридман (столь часто упоминавшийся Чечельницким)¹⁰.

⁸ Следует признать, что подобное заочное противопоставление разума красоте носит несколько условный характер - разве разумная мысль не является (не имеет шанса быть) красивой? Разве истинная красота как творение природы отрицает наличие у последней элементов разума? Или умной мысли «нельзя быть красивой такой», чтобы иметь шанс быть реализованной, а не оставаться несбыточной мечтой, *idea fix*? Как бы то ни было, но представляется логичным оставить этот вопрос для обсуждения философам (а ещё лучше - блогерам в социальных сетях).

⁹ *«Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишённого совершенно свободы, они дороже вдесятеро. Если они только брякают у него в кармане, он уже вполтину утешен, хотя бы и не мог их тратить» [ibid].*

¹⁰ Тем не менее именно Институт Катона учредил и с 2002 года ежегодно вручает «Премии Милтона Фридмана за развитие свободы» (Milton Friedman Prize for Advancing Liberty) самым достойным её номинантам.

Америка, а точнее – та часть, которая именуется Соединенными Штатами Америки, своей историей претендует на то, чтобы быть наиболее веским и масштабным доказательством утверждения, что именно свобода субъекта есть залог его успеха, его процветания. Многие верят этому, верят в пресловутую, но «великую» американскую мечту, American Dream. Многим удаётся поймать эту мечту за хвост и даже осуществить доместикацию этой птицы счастья. Однако при этом надо, объективности ради, знать реальную, а не рафинированную историю США, знать, как проходила аннексия обширных территорий североамериканского континента этой импортированной из Западной Европы «мечтой», знать ресурсы, методы, издержки и последствия этой аннексии.

Действительно, объективность требует более критического осмысления столь сладкой категории свобода. Обратную сторону свободы превосходно раскрывает Э. Фромм, указывая на двойственную природу свободы, проявляющуюся в неотъемлемости права субъекта на выбор от его обязанности нести ответственность за все последствия сделанного им выбора [10]. Говоря о фундаментальной природе связи между человеком и свободой он находит чрезвычайно показательным библейский миф об изгнании первых представителей рода людского из рая: *«Нарушив установленный богом порядок, он освободился от принуждения, возвысился от бессознательного предчеловеческого существования до человеческого..... Только что обретенная свобода оборачивается проклятием: человек свободен от сладостных уз рая, но не свободен сам собой руководить, не может реализовать свою личность»* [10].

Информация. Немаловажным Чечельницкий считает *«доступность экономической информации, повышение скорости передачи информации (увеличение потоков информации)»* и, соответственно, компьютеризацию. Совокупность таких *«фундаментальных системных свойств»* национальной экономики, как макроэкономическая открытость (включая инвестиционную), сильная мотивация всех её субъектов и их восприимчивость к инновациям обеспечивают, по его мнению, *«высокий поисковый потенциал»*, увеличивают *«интенсивность экономического естественного отбора»* и стимулируют *«протекание процессов эволюции и адаптации»* [12, с. 15].

Однако при этом следует также согласиться, что даже в столь благоприятных для экономического прогресса условиях, но условиях информационного «голода» *«было бы непростительным глубоким заблуждением полагать, что люди всегда действуют рационально, повинаясь законам формальной логики. ... А как собственно они должны действовать сейчас — в условиях ... дефицита информации?»* [12, с. 15]. Действительно, хроническая нехватка информации, выражающаяся в неполноте, избирательности и недостоверности последней есть существенное (а иногда и решающее) препятствие для принятия если не оптимальных, то рациональных (адекватных) экономических и управленческих решений. Именно поэтому современные экономическая теория и теория принятия решений уделяют огромное внимание проблеме учёта факторов неполноты информации, её асимметричности и низкой транспарентности, проблеме инсайдерства, фиктивной отчетности и т.д.

Первые программы рыночных реформ

В начале 1990-х страна ещё пребывала в затянувшемся с перестроечных времён ожидании великих экономических потрясений, а точнее - реформ, которые могли бы быстро и без особых издержек для общества перевести её экономику на рыночные рельсы, а население страны - обеспечить материально осязаемыми благами, присущими продвинутому

Да и девиз самого Стэнфордского университета также связан с категорией свободы - «Веет ветер свободы» («Die Luft der Freiheit weht», нем.).

в рыночном отношении странам. Отчасти это ожидание оправдалось – на широкую арену для открытого обсуждения были вынесены две не совсем альтернативные программы – «Правительственная» программа (известная как программа Рыжкова-Абалкина) и программа «500 Дней» (программа Шаталина-Явлинского) [7]¹¹. Чечельницкий анализирует сравнительные преимущества этих программ, предварительно признавая, что для него наиболее сильным побудительным мотивом проведения этого компаративного анализа явилось *«бурное время, которое переживает всё ещё великая страна...»* и во время которого *«трудно каждому оставаться безучастным, когда намечаются крутые повороты и принимаются решения, потенциально определяющие судьбы миллионов людей»*.

Программа «500 дней», по мнению Чечельницкого, пользуется очевидной популярностью в силу того, что она представляет собой *«нечто вроде манифеста мировой либеральной экономической мысли, ...«обладающий несомненной новизной ... на фоне унылых и беспросветных экономических деклараций прошлого»*), что она подкупает своим радикализмом и к ней неслучайно *«благожелательно относится и Президент»* (однако, объективности ради отметим здесь, что осторожный М. Горбачёв в итоге пойдёт на компромисс - на слияние программ) [12, с. 21]. В заключительной части своего анализа программы «500 дней» Чечельницкий делает вывод, что *«одно из самых главных достоинств программы: на фоне отечества — потрясающая новизна, на фоне мира — добротный, многократно испытанный традиционализм»* [12, с. 22]¹².

Физик в России больше, чем физик (вместо заключения)

В завершающей части своего эссе «Коллапс Социума или Стратегия Разума?» А. Чечельницкий отмечает, что для *«богатейшей по дарам земли, природы»* страны мира в условиях, когда имеется *«избыток ресурса всё возрастающей со временем ценности — труда людей, нередко очень образованных и талантливых»*, труда, который *«по мировым стандартам остаётся очень дешевым»*, необходимо предпринять меры по превращению её, экономики, в цивилизованную. Для этого он предлагает: *«разумно включить все наиболее интенсивные факторы ускорения экономики (в том числе эффекты мотивации, адаптации уже известных достижений, поиск нового знания), а также воспользоваться доселе неизвестным нам метафизическим ресурсом — свободой»*, и тогда шансы на успех не покажутся *«совсем уже нулевыми»* [12, с. 43].

Насколько обсуждавшаяся нами ранее категория «свобода» является ресурсом для общества и какова ценность этого ресурса, а также исчерпаем (возобновляем) ли он? – подобные вопросы есть предмет бесконечного обсуждения. Другая ситуация имеет место быть с актуализирующимся в наши дни вопросом *«Что способно спасти Социум?»* - здесь времени на дискуссии отведено непростительно меньше. Видимо, если это действительно Социум (т.е. приводим с прописной буквы), то он сам и обязан, и в силе это сделать. Действительно, спасение утопающих - дело рук самих утопающих. Добавим - и не только рук (в том числе невидимых), но и ног и других частей тела, среди которых на высоте должна оставаться голова.

¹¹ В конечном счёте, данные программы, М. Горбачёв пытался объединить в рамках «Основных направлений стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике».

¹² Чечельницкий отмечает перелом в системе подготовки общественно значимых программ, заключающийся в подключении к этому процессу других, не относящихся к правящим кругам персоналий и институтов: *«Силой обстоятельств, возможно, игры амбиций политиков, на самом высоком уровне вдруг рухнула монополия лишь высоких правительственных структур прокладывать «путь в счастливое будущее». Ведь до сих пор все многочисленные глобальные программы типа «наше поколение будет жить...» предлагались с абсолютной непогрешимой уверенностью и потому в единственном варианте»* [12, с. 22].

Социум у автора эссе является «глубоко встроенным, невычленимым компонентом природы», в которой «человек рождается и заканчивает свой путь» [12, с. 12]. Проблема «встроенности» или укоренённости (*embeddedness*) таких природных компонент, как человек, этнос, общество, есть проблема не только натурфилософская и социологическая, но космологическая и эсхатологическая. А если в поисках спасения оставаться пессимистом, то можно вообще уповать на силы инфернальной природы. Однако в послесловии к своему сборнику А. Чечельницкий явно придерживается оптимизма: «Следует надеяться, что Новый век наконец-то принесёт России, стремящейся извлекать уроки из Истории, долгожданное благополучие и процветание как истинно свободного и демократического общества» [12, с. 163]. Читателям уместно присоединиться к этой позитивной позиции (несмотря на то, что на миллениумном своём изломе История разменяла горбачевский романтизм на путинский прагматизм).

Чечельницкий оставил нашему университету большую часть своей уникальной библиотеки, демонстрирующей широту кругозора её собирателя и стиль его работы с публикациями. Но куда ценнее оставленные им собственные труды, в которых прослеживается его жизнь как глубокого и разностороннего исследователя, равнодушного к событиям столь исторически важных для страны лет.

Не только поэт в России больше, чем поэт.

Библиографический список:

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Сов. радио, 1984. 272 с.
2. Гайдар Е.Т. Гибель Империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 15 томах. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1988-1996.
4. Касти Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы. М.: Мир. 1982. 216 с.
5. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992-2013. М.: ЛЕЛАНД, 2013. 640 с.
6. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Издательство Мир, 1973. 344 с.
7. Переход к рынку. М.: ЭПИцентр, 1990. 430 с.
8. Платонов А.П. Чевенгур. Роман и повести. М.: Сов. писатель, 1990. 656 с.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: в 2-х т. М.-Л.: Гос.Соц.-Экон.Изд-во, 1935.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011. 288 с.
11. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
12. Чечельницкий А.М. Разум. Деньги. Власть. (Несвоевременный системный анализ). М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. 163 с.

Valiullin H.H. The Economic Abyss through the Eyes of an Astrophysicist

Albert M. Chechel'nitsky (1935-2011), a well-known scientist from Dubna town, has left for us not only papers on astrophysics (including his Mega-Wave Universe concept) but on other sciences such as history, economy, medicine, and so on. This article contains some discursive comments on chapters of the book "Mind. Money. Power (Untimely Systems Analysis)" gathered some Chechel'nitsky's publications on actual problems of the Russian economy during the period of 1990-2006 years.

Keywords: man, liberty, transition economy, systems analysis, market